

THOMAS MENZEL. *Der Instrumental des Ortes und der Zeit in den slavischen Sprachen*. Kasusmarkierung und präpositionale Kodierung lokaler und temporaler Relationen im Russischen, Polnischen und Serbeischen / Kroatischen. Oldenburg : BIS-Verlag, 2014. Erster Teilband: Einführung. Der Instrumental des Ortes; Zweiter Teilband: Instrumental der Zeit. Ergebnisse. Bibliographie. 587 S. (= Томас Менцель. Инструментатив места и времени в славянских языках. Падежное маркирование и предложное кодирование локальных и темпоральных отношений в русском, польском и сербском / хорватском языках).

В настоящее время в области лингвистических исследований наблюдается всё возрастающий интерес к изучению синтаксических единиц с позиций функционального и коммуникативного синтаксиса. В основе таких исследований лежит тезис, что структура каждой языковой системы предопределена функцией этой системы. Сам язык при этом рассматривается не как некий готовый статичный продукт, а как целенаправленная деятельность, механизмы которой предопределены целями.

В контексте выше изложенных научных подходов весьма интересной представляется монография немецкого слависта Томаса Менцеля, посвященная инструментативу места и времени в славянских языках, вышедшая в 2014 г. в издательстве *BIS-Verlag* университета в Ольденбурге (Германия). Это двухтомное исследование стало материальным воплощением докторской (габилитационной) диссертации ученого и является итогом его многолетней научной работы в сотрудничестве с коллегами-славистами, в первую очередь с профессором Гердом Генчелем.

Как следует из заглавия книги, объектом исследования выступает признанный еще в классической грамматике падеж, относящийся к универсальным категориям и имеющий название *инструментатив*, *инструменталь* либо *инструменталис*, а также *инструмент*. При кажущейся семантической прозрачности инструментатива попытки изучения особенностей его функционирования, как правило, приводили к акцентированию лишь одного конкретного аспекта значения, присущего данной категории, — того, который интересен тому или иному исследователю. Так, согласно Ч. Филлмору, это “падеж или состояние неодушевленной силы или предмета, который включен в действие, называемое глаголом в качестве его причины” [Филлмор 1981, 405]. В. Шенкель подчеркивал в инструментативе независимость от воли субъекта, называя его “неодушевленной силой, стимулом, явлением” [Schenkel 1977, 96]. В противоположность этому мнению, У. Чейф воспринимает инструментатив как определенный объект, играющий какую-то роль в осуществлении процесса, но не являющийся движущей силой, причиной или инициатором действия. Он, по мысли исследователя, “служит вспомогательным средством агенса, чем-то, чем агент пользуется” [Чейф 1975, 176]. Наконец, Й. Шрёдер трактует инструмент через пересечение инструментального и причинного содержания [См.: Schröder 1979, 326].

На преобладание собственно “инструментального” понимания семантики инструменталья указывал также украинский лингвист Е. Тимченко, отмечая при этом: “Справді, інструменталь вказує на обставину як посередник її вияву. Це власне не функція інструментально, а вихідний психологічний момент в його вживанні” [Тимченко 1926, 18].

Инструменталис (отождествляемый с творительным падежом) привлекал к себе внимание крупнейших восточнославянских лингвистов. Так, еще В.В. Виноградов, рассуждая о том, что абстрактная схема падежных значений “едва ли может покрыть всё разнообразие значений современных русских падежей”, иллюстрировал эту мысль примером именно творительного падежа, отмечая, что эта категория “вызывает больше всего тревоги у современных грамматистов” [Виноградов 1947, 169–171]. А. А. Потебня, Ю. Д. Апресян, В. П. Сухотин в контексте разговора о творительном падеже пишут о нем как о способе или орудии. Опираясь на трактовку падежа как элемента смысла, определенного смыслового отношения, А. А. Зализняк ссылается на тезис А. А. Потебни о том, что в русском языке не один, а несколько падежей, обозначаемых именем творительного (орудия, деятеля, эталона сравнения, места движения и т. д.) [Зализняк 2002, 615].

В целом нельзя не заметить, что и в названных выше работах, и в обобщающем исследовании “Творительный падеж в славянских языках” [Бернштейн 1958] исследовательское внимание концентрировалось на описании возможных

структурно-семантических типов предложений с инструментативом, при этом преобладала классификация семантического характера. В противоположность этому, Ж. Вейренк пришел к выводу, что “форме творительного как таковой нельзя приписать никакого фундаментального значения” и что “как функционально однозначное может быть описано как раз отношение, которое объединяет эту форму со всем высказыванием” [Вейренк 1971, 139], т. е. предложил синтаксическую классификацию употребления творительного падежа, но лишь на материале русского языка.

В то же время Е. Тимченко уже в начале XX в. обратил внимание на тесную связь функционирования инструменталю, причем именно места и времени, с предикативной структурой предложения. Так, в исследовании “Вокатив і інструменталь в українській мові” ученый в составленной им классификации выделил особый тип “Інструменталь у вільнім стосунку до дієслова”, отметив при этом: “Під цю категорію підводжу інструменталь “місця” і “часу”, що стосуючись дієслова, чи краще цілого речення, має цілком прислівниковий характер” [Тимченко 1926, 19].

В книге Т. Менцеля функционирование инструменталю рассматривается именно в функциональном преломлении, т. е. через призму предикативного аспекта предложения. Позволим себе отступление и процитируем здесь меткое наблюдение П. Б. Паршина: “девятнадцатый век в лингвистике был веком метода, двадцатый — веком теории. Революция затронула именно теоретическое развитие; задачи методологической революции остаются веку двадцать первому...” [Паршин 1996, 39]. Возможно, автор книги “Інструментатив места и времени в славянских языках” и не ставил перед собой задачу свершения методологической революции, но, во всяком случае, его работа выгодно отличается глубиной разработки теоретической базы исследования. Две первые главы имеют теоретико-методологический характер.

В первой главе (“Партиципанти отображения действительности и их языковая репрезентация”) берется за основу функциональная структурная модель построения предложения в интерпретации голландского лингвиста Саймона Дика (*The theory of functional grammar*, 1989). Выбор именно такой модели автор мотивирует тем, что она направлена в первую очередь на “выявление тех структур, которые лежат в основе речевого акта, а не на определение средств выражения для порождения грамматически правильных предложений” (с. 18). В основе данной модели — выделение различных структурных уровней, или ступеней, предикации: ядерная предикация (*nuclear predication*); стержневая предикация (*core predication*) с участием операторов и сателлитов первого уровня; расширенная предикация (с участием операторов и сателлитов второго уровня); пропозиция; иллокуция. Теория функциональной грамматики в изложении С. Дика, по мнению Т. Менцеля, “предлагает строгую гомогенную мо-

дель для описания языковых структур, причем данная модель объединяет как грамматику, так и семантику с прагматикой в единую систему”; что еще важнее, эта модель “достаточно гибкая, чтобы быть в состоянии усвоить все новации и уточнения в процессе моделирования” (с. 22). В этой же главе достаточно четко излагаются основы востребованной автором теории маркированности, в частности три формы проявления концепта маркированности в области явлений (флективно-) морфологического уровня (с. 34–42). В заключительном подразделе первой главы формируется представление об иерархии конститuentов в предложении с особым акцентированием роли “иерархически главного первого аргумента”, способного в зависимости от структуры предложения и типа ситуации приобретать различные семантические роли, что подробно иллюстрируется примерами. В данном контексте актуализируются понятия стратегии кодирования, атипически маркированной структуры, а также семантико-синтаксической структуры пропозиции (термов и предикатов). Сами же категории падежа и предлогов рассматриваются здесь как выразительные средства кодирования ролевых и аргументных структур в предложении, причем применительно к падежно-флектирующим языкам современности. В качестве таких языков были избраны значительные по числу носителей русский, польский и сербский/хорватский. На основе конкретного языкового материала автор ведет речь о функциональном разграничении падежа и предлогов, а также грамматических и лексических стратегий выражения семантических ролей и отношений. Именно этот теоретический посыл необходим автору для описания вариативности реляциональных средств выражения на синтаксической периферии, которые анализируются в четвертой и пятой главах на примере локального и темпорального употребления беспредложного падежа, а также альтернативных предложных конструкций.

Во второй главе (“Падежная и предложная вариативность”) автор выделяет два различных типа средств выражения синтаксических отношений и семантических ролей в славянских языках: морфологически связанным маркером таких отношений выступает падеж, лексически свободным — предлог. В специальном подразделе рассматриваются функциональные особенности падежей и предлогов, семантико-синтаксические способы их функционирования. Здесь (в подразделе 2.4 “Иконические формально-содержательные отношения у падежа и предлогов”) Т. Менцель широко использует терминологию из области референциально-ролевой грамматики. “Выбор между различными стратегиями кодирования синтаксических отношений, — отмечает Т. Менцель, — зависит от многих факторов. Это может быть структурно имманентная мотивация (иконичность, принцип экономии [языковых средств]) либо прагматические критерии — такие, как топик или фокус” (с. 91). В этом же подразделе автор впервые формулирует довольно важный в масштабах всего исследования вы-

вод: “Предложные конструкции по сравнению с беспредложными формально более устойчивы в своих особенностях” (с. 89). Данная формулировка и следующие за ней рассуждения автора об особенностях кодирования семантических ролей позволяет обобщить и представить в новом свете материал предшествующих исследований инструменталей в других славянских языках, в частности, украинском и белорусском. Так, Е. Тимченко отмечал, что инструменталь отображения пространства точки “в сучасній українській мові конкурує зі сполученням дієслова з прийменниками “в, крізь, поуз, через” і акузативом та “з” з генітивом” [Тимченко Вокатив 26]. Подобным образом, И. Зеневич отмечал, что в современном белорусском языке при выражении пространственных отношений творительный падеж адвербиализуется (напр., “*месяцамі віднеўся снег*”), а беспредложные конструкции с творительным падежом всё более активно заменяются синонимическими конструкциями с предлогом “на” и предложным падежом (*ехаць дарогай — ехаць на дарозе*) [Зеневич 1958, 7].

Представив в третьей главе (“Падеж инструментатив в славянских языках. Общие сведения”) различные подходы в понимании языковой специфики инструментатива, автор делает обзор того текстового корпуса, на базе которого проводилось его исследование. При этом он аргументирует целесообразность применения количественных подходов. Четвертую главу “Локальный инструментатив” автор начинает с упорядочивания терминологического ряда. В качестве альтернативы широко известным понятиям “однонаправленности — неоднаправленности” либо “детерминированности — недетерминированности” Т. Менцель предлагает оппозицию “направленное (телическое) движение — ненаправленное (ателическое) движение”. В многочисленных подразделах этой главы рассматриваются конкретные аспекты функционирования локального инструментатива, среди прочего — грессивный и трансгрессивный типы перлатива, различные лексико-семантические типы грессивного локального инструменталей. В качестве отдельной научной проблемы применительно к локальному инструментативу рассматривается процесс адвербиализации, на что обращали внимание многие исследователи различных славянских языков (выше приводился соответствующий пример из диссертации И. Зеневича). Здесь вновь хочется вспомнить известную книгу академика В.В. Виноградова, где он писал: “Из обособляющихся значений творительного падежа вырастают не новые падежные категории имени существительного, а новые типы наречий. Основные же значения творительного падежа удерживаются в рамках одной грамматической категории. Наречия как бы приходят на помощь имени существительному, используя «излишки производства»” [Виноградов 1947, 171–172].

Для большей наглядности автор иллюстрирует свои рассуждения линейными, диаграфическими и даже пиктографическими схемами, а также результатами количественного анализа на материале обширных текстовых корпусов

сравниваемых языков. В процессе анализа формальных контекстов автор определяет даже конкретные индикаторы способов перехода к адвербиальным либо предложным структурам для трех исследуемых языков, что свидетельствует о тщательности и глубине разработки проблемы. Следует отметить, что анализ синтагматического поведения локального инструментатива в трех языках автор проводит на широком диахроническом отрезке: от эпохи Барокко до наших дней. Отдельно рассматриваются словоформы без расширения (*nicht-erweiterte Wortformen*), а также наиболее высокочастотные формы (напр., русск. *дорогой, путем*; польск. *drogą, сбхр. putem*); в последнем случае обращается внимание на использование форм единственного и множественного числа (*дорогой — дорогами*).

На наш взгляд, наиболее насыщенной в содержательном отношении является пятая глава “Темпоральный инструментатив”. В связи с представленными здесь материалами вспоминается мысль А. А. Потебни о том, что инструментатив времени основывается на тех же представлениях, что и инструментатив места, ведь “время представляется как дорога, а деятельность во времени – как движение в пространстве” [Потебня 1888, 451]. Определяющим для этой главы в терминологическом отношении является понятие “симультанной темпоральной локализации”. Автор отталкивается от общей концептуальной схемы канонических временных единств в интерпретации М. Гаспелмата (из его работы “*From space to time: temporal adverbials in the world’s languages*”). Условия языкового использования темпорального инструментатива рассматриваются отдельно для каждого из трех языков. В подразделе 5.2.1, посвященном темпоральному инструментативу в русском языке, особенно подробно рассматривается явление дистрибутивности, на что обращали внимание также исследователи других восточнославянских языков. В частности, Е. Тимченко отмечал, что “как и в сочетаниях с инструменталем места, инструменталь времени, не обозначая момента во времени, приобретает дистрибутивный характер преимущественно во множественном числе; в единственном, напр., наречное “часом”” [1926, 31]. Анализируя конкретные примеры, Т. Менцель приходит к интересным выводам. Так, в выражении “читать долгими ночами” ученый не исключает возможности одновременного проявления признаков дуративности и дистрибутивности. Возможностью выражения дистрибутивности, а также итеративности, по его наблюдениям, обладает инструментатив не только множественного, но и единственного числа. “Граммема множественности выражает семантический признак (расчлененности), в то время как форма единственного числа в этом отношении лишена какого-либо признака” (с. 369). Именно пятая глава представлена наибольшим количеством всевозможных графиков, таблиц и концептуальных схем, иллюстрирующих различные комбинации маркеров, выражающих отношения симультанной темпоральной локализации.

При этом хотелось бы с сожалением отметить, что полиграфическое исполнение некоторых схем отличается низким качеством. Так, например, график на с. 359 должен представлять восемь различных типов контекстов темпорального инструментатива единственного числа для обозначения дней и отрезков дня в русском языке. Но в связи с черно-белым оформлением линии близких оттенков сливаются, что резко снижает информативный потенциал графика.

Впрочем, именно к таким досадным формальностям и сводятся недостатки рецензируемой книги. Отдельные высказывания автора лишь изредка вызывают желание вступить с ним в конструктивную дискуссию. Так, рассуждая о демотивированности агентивного расширения предложения с пассивной конструкцией, Т. Менцель пишет: “Агенса в пассивном предложении является факультативным и может быть вообще исключен; в этом случае он, конечно, максимально демотивирован” (с. 47). Однако, пожалуй, даже при прагматическом подходе не следует забывать изящного наблюдения, сформулированного А. А. Потемной: “страдательность сказуемого есть тоже непосредственное обнаружение деятельности подлежащего, его энергия, но такая, которая более всякой другой условлена объектом” [Потемня 1888, 467].

В целом же научная концепция автора книги не вызывает возражений. Отдельно хотелось бы отметить огромную работу, проделанную ученым по составлению текстовых корпусов. Источники, послужившие базой для их составления, представлены на 13 страницах в перечне авторов от Стрыйковского, Фонвизина и Крылова до Айтматова и Солженицына. Не менее внушительно выглядит и список использованной литературы.

Следует подчеркнуть в первую очередь теоретическую значимость исследования Томаса Менцеля, а также его методологическую состоятельность. Многие сформулированные в рецензируемой книге общие положения могут быть проиллюстрированы материалами исследований различных славянских языков. Так, И.Р. Выхованец в своей “Грамматике украинского языка” отмечал: “Типову особливість у дериваційних процесах становить не розгортання, а згортання структури похідної синтаксичної одиниці. Це явище назвемо синтаксичною конденсацією похідних одиниць щодо вихідних <...>. Характерно, що у згорнутих конструкціях на прийменник припадає більша диференціація обставинного значення, ніж на сполучник у вихідних складнопідрядних конструкціях” [Выхованець 1993, 173]. (Например: *Коли друзі розмовляли, Микола сидів задуманий*. — *Упродовж розмови друзів Микола сидів задуманий*). В книге же Т. Менцеля со ссылкой на исследование Д. Джила находим упоминание “ямбического принципа” структуры предложения: более краткие языковые единства, как правило, предшествуют более длинным. При этом “новая информация стремится занять рематическую позицию в конце предложения” (с. 92). Как видим, описанная И. Выхованцем синтаксическая конденсация наблюдается как раз на уровне тематической позиции предложения.

Высокий уровень проведенного эвристического и теоретического исследования, солидный объём изученного материала являются гарантом научной достоверности заключительных выводов монографии. “Нельзя не заметить, — пишет автор, — что независимо от стабильности локального или темпорального инструментатива в отдельных языках парадигматически-оппозитивный способ функционирования реляционных маркеров в славянских языках подчиняется всё более отчетливым ограничениям. Это хорошо заметно в процессе анализа вариантов кодирования между локальным либо темпоральным инструментативом и другими реляционными маркерами. В процессе исследования было выявлено, что если появляются ограничения, касающиеся возможностей употребления того или иного реляционного маркера, то эти ограничения чаще всего оказывают влияние на лексическую совместимость реляционных маркеров. Лишь в редких случаях наблюдаются ограничения, влияющие на тип событийности (напр., полноценное осмысление масштабности отношений посредством движения, направленное либо ненаправленное движение, телически направленное действие). Не вполне оправданно в [научной] литературе обращается первоочередное внимание именно на этот аспект. В действительности в большинстве рассмотренных конструкций релевантными для ограничений в использовании отдельных реляционных маркеров являются семантические признаки соответствующих термов. В этом проявляется тенденция к лексическому ограничению парадигматической оппозитивности в инструментативе” (с. 537). Именно по этой причине термы, выступающие вместе с инструментативом в локальной либо темпоральной функции, классифицируются в данной работе в соответствии с их лексико-семантическими признаками. При этом, как отмечает Т. Менцель, данные термы в действительности подчинены тенденциям лексикализации — в случае темпорального инструментатива сильнее, нежели в случае локального.

Остается лишь высказать сожаление, что автор книги “Инструментатив места и времени в славянских языках” не сопроводил своё исследование развёрнутыми резюме на тех языках, которые относятся к объекту исследования: русском, польском и сербском/хорватском. Наличие этих резюме позволило бы гораздо большему числу ученых-синтаксистов в славянских странах сформировать по крайней мере общее представление о книге Томаса Менцеля, научный дискурс которой отражает новейшие тенденции и достижения в области функционального синтаксиса в целом и в сфере изучения инструментатива в славянских языках в частности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн Б. (ред.), 1958: *Творительный падеж в славянских языках*. Москва: Изд-во АН СССР.
- Вейренк Ж., 1971: Синтаксический анализ творительного падежа, in *Исследования по славянскому языкознанию*. Москва: Наука, 129–139.
- Виноградов В. В., 1947: *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Ленинград; Москва: Учпедгиз.
- Вихованець І. Р., 1993: *Грамматика української мови. Синтаксис: Підручник*. Київ: Либідь.
- Зализняк А. А., 2002: *Русское именное словоизменение*. Москва: Языки славянской культуры.
- Зеневич И. Т., 1958: *Непредикативные конструкции с творительным падежом в современном белорусском литературном языке*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск.
- Паршин П. Б., 1996: Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века, *Вопросы языкознания*, № 2, 19–42.
- Потебня А. А., 1888: *Из записок по русской грамматике*. I–II. Харьков.
- Тимченко Є., 1926: *Вокатив і інструменталь в українській мові*. Київ: З друкарні Української Академії Наук. [Збірник Історично-філологічного відділу. № 45].
- Филлмор Ч., 1981: Дело о падеже, in: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 10. Москва: Прогрес, 369–495.
- Чейф У., 1975: *Значение и структура языка*. Москва: Просвещение.
- Schenkel W., 1977: Zur semantischen Kombinierbarkeit der Verben mit Substantiven, in *Probleme der Bedeutung und Kombinierbarkeit im Deutschen*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 40–92.
- Schröder J., 1979: Semantischer Instrumental in deutschen Präpositionalfügungen mit adverbialem Charakter, in *Deutsch als Fremdsprache*. Н. 6, 321–328.

А.В. Королева

Национальный педагогический университет
имени М.П. Драгоманова (Киев, Украина)

Сентябрь 2015 г.

E-mail: allakor2008@rambler.ru